3.

Борма Ярыжка.

Царь Иванъ Васильевичъ кликалъ кличъ: «Кто мнѣ достанетъ изъ Вавилонскаго царства корону, скипетръ, рукъ державу и книжку при нихъ?» По трое сутки кликалъ онъ кличъ, но никто не являлся. Приходитъ Борма-ярыжка. «Я», говоритъ,—«могу

достать, а для этого мнѣ надо снарядить корабль, да тридцать человѣкъ дайте мнѣ матросовъ; корабль чтобы весь былъ окованъ жестью, всѣ снасти и мачты, да тридцать бочекъ въ него пороху, да на три года провизіи, и если я черезъ три года не ворочусь, значитъ—меня вживѣ не будетъ. А теперь мнѣ съ молодцами дайте попить да погулять». Ну вотъ онъ шесть недѣль съ ними пьянствовалъ, пропился весь. Пошли на корабль. Вѣтеръ былъ попутный, подняли паруса и живо затопились. Пріѣзжаютъ къ Вавилонскому царству. Онъ сошелъ на берегъ, взялъ двоихъ съ собой матросовъ. А Вавилонское царство все было съѣдено змѣями. На берегу они нашли часовенку. Они ее разбили и нашелъ онъ въ ней корону, скипетръ и рукъ державу и книжку при нихъ. Матросы говорятъ: «Ну, теперь добыли—пойдемте на корабль!» А онъ: «Нѣтъ», говоритъ,—«надо въ городъ сходить, а то насъ будутъ спрашивать, а мы ничего не знаемъ». Змѣи все пожирали, ничего кругомъ не осталось, а спали между обѣдней и заутреней въ Свѣтло-Христово Воскресенье. Въ это время Борма и вышелъ на берегъ. Царь Вавилонскій издалъ указъ, чтобы на всемъ змѣи были вырѣзаны и написаны: и на чашкахъ, и на ложкахъ, и на монетахъ.—Богъ его и наказалъ: всѣ эти змѣи ожили и поѣли все живое. Около города, вмѣсто стѣны, змѣя обвивалась. Ну вотъ Борма Ярыжка, чтобы перелѣзть стѣну и змѣя не задѣть, слѣпилъ лѣстницу и перелѣзъ. Когда онъ шелъ городомъ, змѣи, какъ мертвые, подъ ногами лежали. Иная взметнется, какъ наступятъ, и опять спитъ. Онъ никого живаго не нашелъ и пошелъ прямо во дворецъ. Приходитъ—всѣ комнаты пустыя, а въ послѣдней царской комнатѣ сидитъ (сдѣланная) Царь-Дѣвка—на половину змѣя, на половину дѣвка. Она надъ всѣмъ змѣинымъ царскомъ царствовала. Когда Борма Ярыжка вошелъ, она увидала и говоритъ: «А, Борма Ярыжка! Ты шелъ изъ Русскаго царства доставать корону, скипетръ, рукъ державу и книжку, и они у тебя?» «У меня». «Досталъ?» «Досталъ». «Разорву, съѣмъ!» «Ну, чего ты меня разорвешь? Много ли во мнѣ мяса? Вотъ я тебѣ двоихъ въ залогъ оставлю, да и остальныхъ приведу: все одно вмѣстѣ пропадать. Черезъ часъ вернусь». Она отпустила его да и говоритъ: «Ну ступай, да не обмани!» Не успѣлъ онъ ступить изъ ея комнаты, Царь-Дѣвка на матроса одной ногой ступила, другой

розорвала при немъ же. А Борма Ярыжка, какъ прибылъ на корабль такъ и закричалъ: «Рубите канаты! Поднимайте паруса!» Проходитъ часъ; Царь-Дѣвка видитъ—его нѣтъ. Посмотрѣла—анъ чуть парусъ видно. «А, хитёръ, мудёръ Борма Ярыжка, да не уйдешь!» И закричала: «Эй, вы змѣи мои, змѣи лютые! Поднимайтесь, летите, трехглавые, шестиглавые, вотъ на этотъ корабль, утопите его!» А Борма сейчасъ велѣлъ три бочки пороху вынуть, разбить ихъ и разсыпать порохъ по палубѣ. Змѣи налетѣли, общёпили корабль и всѣ снасти облёпили. Царь-Дѣвка прыгаетъ на крыльцѣ, радуется: «А! Попался!»

Онъ огонь въ порохъ и кинулъ. Порохъ взорвало и у змёвъ всѣ крылья опалило; которыхъ добили, которыхъ пожгли. «А!» сказала Царь-Дѣвка—«хитёръ-мудеръ Борма-Ярыжка!» Потомъ велѣлъ онъ матросамъ всѣ бочки выкатить и разбить на палубѣ, а самъ въ лодку сѣлъ одинъ и уѣхалъ. «Когда змѣи налетятъ, вы порохъ и зажгите!»

Прилетѣлъ Змѣй Горынычъ, что около города стѣной лежалъ и съ нимъ много зміёвъ. Двадцать семь бочекъ съ порохомъ взорвало, змѣй многихъ пожгло, а Змѣй Горынычъ уцѣлѣлъ и началъ корабль топить. Корабль и потонулъ. Царь-Дѣвка на крыльцѣ заплясала. «Ну, Борма Ярыжка! Потонулъ таки!» Ну, чортъ, пляши! Я то здѣсь, да вотъ товарищей жаль». Поплакалъ Борма да и сталъ думать: «Что дѣлать мнѣ? Водой ли плыть, сухимъ ли путемъ идти? Водой поплыву, хоть и скорѣй можетъ (быть), да ѣсть нечего будетъ. Нѣтъ, лучше сухопутьемъ. Тутъ хоть корешокъ найдешь, съ голоду не умрешь». Вышелъ изъ лодки и пошелъ. Шелъ много ли мало ли, приходитъ къ великолѣпному дому. Окруженъ домъ каменной стѣной и ворота заперты. Началъ стучаться—отзыву нѣтъ, никто не откликается. А любопытство его разбираетъ: кто тутъ живетъ? Разбойники, кто ли? Сѣлъ на лавочку и сталъ ждать. Къ вечеру идетъ великанъ одноглазый, съ лѣсомъ ровенъ. «А! Борма Ярыжка! Здравствуй!» «Здравствуй!» «Ты у сестры моей былъ?» «Былъ.» «Корону, скипетръ, рукъ державу и книжку досталъ?» «Досталъ». «Змѣевъ выжегъ?» «Выжегъ». «Сестру мою обманулъ?» «Обманулъ». «Ну, я тебя разорву—съѣмъ!» «Ну, чего ѣсть то: развѣ отъ меня сытъ будешь? А вотъ давай по братски сдѣлаемъ: у тебя вотъ одинъ глазъ то, а я тебѣ

два сдѣлаю. Ты теперь одно царство видишь, а тогда—два. Пойдемъ! Гдѣ у тебя казна и каменья драгоцѣнные?» Нашелъ—посмотрѣлъ. «Для глаза», говоритъ,—«надо. Станокъ ладить давай, тебя положить!» Сдѣлалъ станокъ, да связалъ великана снастями «Ну ка рванись, а то вѣдь глазъ то испортить можно». Тотъ какъ рванулся, такъ все и перелетѣло. И второй разъ то же. Скрутилъ Борма великана воловьими жилами и спрашиваетъ: «Ну, а теперь не разорвешь?» «Нѣтъ», говоритъ.

Онъ пошелъ, взялъ олова, растопилъ, да и говоритъ великану: «Растопырь глазъ то, а то ошибешься—не такой сдѣлаешь». Тотъ раскрылъ глазъ, а Борма и вылилъ туда горячаго олова. Великанъ порвалъ воловьи жилы, все изорвалъ и поломалъ. «А», говоритъ,—«ты меня обманулъ! Ну, да постой, найду»! Затворилъ ворота и камень къ нимъ привалилъ. Некуда Бормѣ дѣться. А у одноглазаго, въ родѣ товарища, козелъ громадный жилъ. Вотъ Борма то и подвязался къ козлу подъ брюхо, а то не уйдешь пожалуй—и давай его подъ бока щекотать. А козелъ то привыкъ съ одноглазымъ играть, разбѣжится, разбѣжится, да и ткнетъ. А тотъ говоритъ: «Уйди, Васька, теперь не до тебя!» Надоѣлъ онъ одноглазому. Тотъ разсердился, схватилъ козла за рога, хотѣлъ объ стѣну расшибить, да съ Бормой вмѣстѣ черезъ стѣну и перекинулъ.

Борма не съ пустыми руками ушелъ. Какъ только очутился на той сторонѣ, отвязался отъ козла и крикнулъ: «А я здѣсь!» «А, Борма Ярыжка!» закричалъ одноглазый,—«хитеръ ты и мудеръ! Ну! на отъ меня на память золотой топорикъ! Все равно! Борма Ярыжка думаетъ: «Не даромъ онъ кидаетъ». Подошелъ да мизинцемъ чуть дотронулся до топорика. Какъ дотронулся, топорикъ и закричалъ: «Хозяинъ! Здѣсь! Держу»! Борма Ярыжка схватилъ ножикъ и отрѣзалъ себѣ палецъ. Пока тотъ отваливалъ камень, Борма убѣжалъ. «Эхъ!» крикнулъ топорикъ,—«не поспѣлъ! Вотъ тебѣ одинъ палецъ!» Великанъ кинулся, весь его сгрызъ; а Борма гдѣ за дерево спрячется, гдѣ камнемъ лукнетъ—ушелъ.

Долго ли шелъ, нѣтъ ли, не далеко до Русской земли осталось: только черезъ рѣчку перейдти. Опять увидалъ великолѣпный дворецъ. «Дай погляжу». Дожидался до вечера—приходитъ дѣвка. «А Борма-Ярыжка! здравствуй! Ты въ Вавилонскомъ царствѣ былъ?»

«Былъ». «У моей сестры былъ?» «Былъ». «Змѣевъ выжегъ?» «Выжегъ». «А у брата былъ?» «Былъ». «Глазъ ему выжегъ?» «Выжегъ». «Ну, я тебя разорву—съѣмъ! Да еще я на тебя полюбуюсь и помучаю!»

Эта дѣвка его каждый день смертью стращала и двадцать лѣтъ съ нимъ прожила и прижила сына. Стало сыну двадцать лѣтъ. Вотъ разъ она уходитъ въ Вавилонское царство, къ сестрѣ, а Бормѹ на цѣпи оставила и говоритъ сыну: «Я пойду, цѣлый день не буду. Смотри, съ цѣпи отца не отпускай, а то онъ хитеръ и мудеръ. Самаго разорву, коли пустишь: а къ вечеру я сама вернусь». Она ушла. Борма и подзываетъ сына: «Сними цѣпь то, дай я похожу». Тотъ снялъ. Походили. «Чего мы», говоритъ Борма,—«такъ то зря ходимъ? Пойдемъ на рѣку, утокъ пострѣлямъ!» «Нѣтъ, батюшка, ты меня обманешь.» «Нѣтъ, зачѣмъ? Ты вѣдь сынъ мнѣ! Вѣдь тошно мнѣ: я двадцать лѣтъ на цѣпи сидѣлъ!» Пошли утокъ стрѣлять на рѣку, а за эту рѣку нечистъ не перелетала. Убилъ Борма утку и послалъ сына за уткой; самъ плотъ сдѣлалъ на рѣкѣ и поплылъ; «Батюшка!» закричалъ сынъ — «что ты дѣла(е)шь»? А дѣвка ужъ на берегъ прибѣгла, кричитъ: «А, Борма Ярыжка! хитёръ и мудеръ! На вотъ тебѣ твою то половину, не надо мнѣ!» Разорвала сына да и кинула ему половину. Одна капля нечистой крови попала на плотъ, онъ и сталъ тонуть. Борма взялъ да ножемъ ее и вырѣзалъ. Плотъ опять поплылъ и переѣхалъ въ Русь святую. Дѣвка побѣсилась, побѣсилась, а сдѣлать нечего: на ту сторону не перекинешься. Борма посмѣялся надъ ней и дальше пошелъ. Приходитъ въ такое мѣсто, словно вычищенный садъ. Мѣстами выбито, словно ямами, мѣстами на кустахъ кровь. «Что бы это было? Дай узнаю». Взялъ Борма Ярыжка и взлѣзъ на дерево и спрятался въ вѣтвяхъ. Немного посидѣвши, видитъ: бѣжитъ левъ и въ ту же минуту прилетаетъ змѣй, и начали они между собой биться; только до того бились, что оба ослабѣли и упали, а одинъ другого не отпускаютъ. Вотъ Борма Ярыжка и думатъ: «Кому помочь? Отъ змѣевъ я много терпѣлъ, заступлюсь за льва». Взялъ да и выстрѣлилъ въ змѣя. Змѣй раненый ослабѣлъ, и левъ его задушилъ. Задушилъ змѣя и смотритъ, глазами ищетъ кто это ему помогъ. А Борма боится слѣзть съ дерева: кабы его левъ то не съѣлъ. Левъ увидалъ Бормѹ и говоритъ: «Слѣзь! Я

тебя не съѣмъ. Тебѣ еще три года идти, а я тебя въ три часа домчу, только ты мной не хвались, а то я тебя съѣмъ!» Борма слѣзъ и сѣлъ на льва. Тотъ его мигомъ довезъ до города и убѣжалъ. Борма пошелъ прямо во дворецъ и сказалъ о себѣ; а тамъ ужь и забыли о немъ, потому что тридцать лѣтъ какъ его не было. Стали искать въ архивахъ и нашли, что дѣйствительно тридцать лѣтъ назадъ былъ отправленъ корабль за поискомъ короны, скипетра, рукъ державы и книжки при нихъ. «Ну что, чѣмъ мнѣ тебя наградить?» спрашиваетъ Борму Иванъ Васильевичъ. «Да что? Дозволь мнѣ три года безданно, безпошлинно пить во всѣхъ кабакахъ!» И вотъ сталъ Борма пить попивать, пьяницъ за нимъ нетолчена труба. Напившись разъ, онъ хвалиться сталъ: «Мнѣ бы еще три года идти, да меня левъ подвезъ въ три часа, за то что я змѣя убилъ». Какъ эти слова выговорилъ и спохватился, да ужь поздно. Сейчасъ же побѣжалъ на царскій дворъ и велѣлъ врыть въ землю три пивныхъ котла и укрѣпить ихъ какъ можно крѣпче. Только что успѣли ихъ укрѣпить и налить въ одинъ меду, въ другой вина, а въ третій самаго крѣпкаго спирту, какъ поднялась буря, и вслѣдъ за ней бѣжитъ левъ и сейчасъ же къ Бормѣ! «А, ты мной похвалился! Такъ я тебя съѣмъ!» «Это не я». «А кто же?» «Хмѣль». «А гдѣ онъ?» Онъ ему указалъ на котелъ съ медомъ. Левъ весь котелъ выпилъ и выворотилъ изъ земли. «Кто мной хвалился?» «Хмѣль». «А гдѣ онъ?» Онъ ему указалъ на котелъ съ виномъ. Левъ его весь выпилъ и выворотилъ. «Кто же мной хвалился?» «Хмѣль». «А гдѣ онъ?» Онъ ему показалъ на котелъ со спиртомъ. Левъ выпилъ котелъ, выворотилъ и пьяный тутъ же растянулся.

Борма велѣлъ вбить около льва столбы и оковать цѣпями. Когда левъ встряхнулся—хвать и встать нельзя. Борма подошелъ и говоритъ: «Вотъ видишь что хмѣль то дѣлаетъ? Не я тобой хвалился, а хмѣль. Я тебѣ бы теперь могъ голову срубить, да не сдѣлалъ этого». «Ну, пусти, Борма Ярыжка!» Тотъ велѣлъ его расковать; левъ и убѣжалъ. Послѣ этого Борма недѣли три пьянствовалъ и опился въ кабакѣ.

(Записано отъ симбирскаго мѣщанина Петра Степановича Полуехтова).